

Munich Personal RePEc Archive

The manifesto of post-institutionalism: institutional complexity research agenda

Frolov, Daniil

Volgograd State Technical University

17 October 2019

Online at <https://mpra.ub.uni-muenchen.de/97662/>
MPRA Paper No. 97662, posted 17 Dec 2019 18:08 UTC

Манифест постинституционализма: повестка дня для исследований институциональной сложности

Д.П. Фролов

Волгоградский государственный технический университет

Аннотация

В статье рассматривается внутренний дуализм институциональной экономики на современном этапе ее развития, связанный с разделением ортодоксального течения (мейнстримного институционализма, аксиоматика и догматика которого представлена Стандартной моделью) и его оппозиции, позиционирующей себя как постинституционализм. Обсуждается повестка дня перспективных постинституциональных исследований, затрагивающая широкий круг дискуссионных вопросов за рамками Стандартной модели – от изучения институциональной сложности до внедрения новой парадигмы эволюционного анализа институтов. Показано, что в фокусе постинституционализма находятся сложные и сверхсложные институциональные явления и процессы, изучение которых требует преодоления редукционистских методологических подходов институционального мейнстрима.

Ключевые слова: институциональная сложность, институты, институциональные системы, транзакционные издержки, институциональная эволюция, постинституционализм.

JEL: B41; B52.

The manifesto of post-institutionalism: institutional complexity research agenda

D. P. Frolov

Volgograd State Technical University

Abstract

The article discusses the internal dualism of modern institutional economics, manifested in division of orthodox or mainstream institutionalism (its axiomatics and dogmatics is represented by the Standard Model) and its opposition – post-institutionalism. It discusses the post-institutional agenda, covering a wide range of

discussion issues beyond Standard Model – from the analysis of institutional complexity to introducing a new paradigm of evolutionary analysis of institutions. It demonstrates that in the focus of post-institutionalism there are complex and supercomplex institutional phenomena and processes, which can only be comprehended by overcoming reductionist methodological approaches of the institutional mainstream.

Keywords: institutional complexity, institutions, institutional systems, transaction costs, institutional evolution, post-institutionalism.

JEL: B41; B52.

* Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ (проект № 18-010-00832).

Введение

Структура экономической науки чаще всего описывается с помощью дуалистической модели, в которой мейнстрим (или ортодоксия) в лице неоклассической экономики условно противостоит гетеродоксии во главе с институционализмом. Ограничения такого подхода очевидны и связаны в первую очередь с абстрагированием от внутренней неоднородности этих научных парадигм: с одной стороны, не учитываются различные «еретические» концепции в неоклассическом мейнстриме, с другой, – игнорируется возникновение мейнстрима и гетеродоксии внутри самих гетеродоксальных направлений. Эти вопросы практически не привлекают внимания исследователей, что крайне обедняет понимание реальной сложности и логики эволюции современного экономического знания. Случай институционализма является в этом смысле показательным.

Институциональная экономика в ходе всей своей истории неизменно противопоставлялась неоклассике¹, а с 2000-х гг. с полным основанием претендует на статус нового мейнстрима экономической науки. Однако

¹ Конечно, было бы серьезной ошибкой сводить взаимодействие неоклассической и институциональной парадигм исключительно к конкуренции. Критика (иногда даже обструкция) неоклассики всегда была важной частью институционалистского дискурса, но при этом ранние институционалисты активно использовали элементы неоклассической методологии (Hodgson, 2014), а новая институциональная экономика вообще порой рассматривается как часть поздней неоклассической теории (Madra, 2017) или «самуэльсоновская экономика в вечернем платье» (McCloskey, 2016. P. 14). С другой стороны, неоклассические экономисты первыми стали массово изучать транзакционные издержки и даже интегрировали их в модели общего равновесия (Foley, 1970; Hahn, 1971); это было до создания неинституциональной теории транзакционных издержек (Williamson, 1979). Под влиянием критики институционалистов неоклассика становилась все более плюралистичной, а институты уже давно являются для нее привычным объектом анализа. И все же взаимное дистанцирование и противостояние институциональных и неоклассических экономистов сохраняется (Menard, Shirley, 2014. P. 554), в том числе проявляясь в форме конкуренции за интеллектуальное влияние и престиж, за место в социальной структуре и поле науки в качестве профессиональной элиты.

мейнстримизация любого научного направления всегда приводит к формированию его согласованной, упрощенной и конвенционально поддерживаемой версии – назовем ее Стандартной моделью по аналогии с физикой элементарных частиц, – которая способствует привлечению неофитов, но принимается не всем исследовательским сообществом². В результате мейнстрим неизбежно порождает свою оппозицию (гетеродоксию), развитие которой ведет к пересмотру сложившейся аксиоматики и догматики и, далее, к смене доминирующей парадигмы. И институциональный мейнстрим не стал исключением.

Стандартная модель институциональной экономики (далее речь будет идти только о ней) – это институционализируемая ее научным сообществом система общепринятых представлений об институтах, институциональных системах и процессах их эволюции. Стандартная модель включает комплекс в различной степени догматизированных элементов жесткого ядра институционалистской исследовательской программы (предпосылок, положений, категорий, теорий и др.), вспомогательных гипотез³ и нормативных утверждений⁴, которые разделяются большинством институциональных экономистов и практически без изменений транслируются различным целевым аудиториям (от студентов и аспирантов до представителей других наук, экспертов, политиков и медиа). Стандартная модель выделяется не по критерию опровержимости – неопровержимости (как у И. Лакатоса в его модели жесткого ядра и защитного пояса), а по критерию доминирования в интеллектуальном поле, то есть массовой распространенности, влиятельности и (неизбежной) догматичности. По сути это – обобщенная институциональная экономическая теория, какой она видится извне ее профессионального научного сообщества, то есть принимаемая «в готовом виде», без учета внутренних дискуссий, деталей и нюансов. Стандартная модель разрушает многие условные границы: например, она эклектично включает в себя элементы методологий

² Например, сложившаяся в рамках неоклассического направления «стандартная экономическая модель предполагает, что предпочтения индивида неизменны и его полезность зависит лишь от материальных выгод» (Акерлоф, Крэнтон, 2010. С. 108). Многие современные неоклассики уже не придерживаются столь однозначного подхода и разрабатывают модели, базирующиеся на более реалистичных допущениях.

³ Теорема Коуза (и ее нормативный вывод о минимизации транзакционных издержек) многократно критиковалась и опровергалась (как теорема, она явно относится к принципиально опровержимому защитному поясу институциональной экономики), – но она является одним из догматов Стандартной модели, конституирующим институциональный мейнстрим.

⁴ Составной частью Стандартной модели выступает так называемый доминирующий или мейнстримный институциональный дискурс, который Х.-Дж. Чанг связывает с методологией эмпирического анализа взаимосвязи институтов и экономического развития, а также с нормативными выводами новой институциональной экономики (Chang, 2011a), называемой им ортодоксальной (Chang, 2011b. P. 599).

оригинального (старого / традиционного) и нового / неинституционализма⁵, которые обычно считаются несводимыми альтернативами⁶. Пластичность Стандартной модели особенно наглядно проявляется при ее адаптации в различных прикладных областях институционального анализа (см., например: Vargo, Lusch, 2016). При этом Стандартная модель не свободна от внутренних противоречий; она просто консервирует их и закрепляет в наборе конвенций, стереотипов и догм.

В каноническом тексте, базирующемся на Стандартной модели, институты – это экзогенно заданные правила и/или убеждения и/или социальные структуры и/или способы координации и/или модели поведения (и т.д.), накладывающие ограничения на эгоистичное и оппортунистическое поведение индивидов. Институты являются факторами инерции, с трудом поддающимися управляющим воздействиям, а их эволюция в целом описывается концепцией *path dependence*. Институты имеют ключевое значение для экономического развития, поскольку любые транзакции сопряжены с непроизводительными (транзакционными) издержками, в минимизации которых и состоит главная функция институтов. Организации рассматриваются как «игроки», действующие в рамках установленных правил своей «игры»; изменения этих правил находятся вне компетенции «игроков» (за исключением случаев лоббирования группами интересов), взаимодействия «игроков» из разных «игр» малозначимы. Системное объяснение институциональных изменений невозможно, они могут быть интерпретированы с позиций или микро-, или макрооснований, то есть исходя из методологического индивидуализма или холизма. Все институты имеют некое оптимальное / нормальное состояние, от которого периодически отклоняются; институциональная экономическая политика направлена на коррекцию возникающих дисфункций (провалов) институтов и возвращение их к начальным условиям. Эти и многие другие постулаты Стандартной

⁵ Здесь и далее неинституциональная и новая институциональная теории рассматриваются в качестве синонимов. Их разграничение было предложено Т. Эггертссоном (Eggertsson, 1990. Р. 6) в самом начале становления нового институционализма – и оказалось ошибочным. Это странное деление следует навсегда оставить в прошлом.

⁶ В принципе, можно говорить о специфике Стандартных моделей в разных течениях институционализма, в частности, в новой (NIE) и оригинальной (OIE) институциональной экономиках. Однако внутри OIE нет единой «вебленовской традиции», а разные авторы, сходясь по одним вопросам, по другим придерживаются зачастую прямо противоположных позиций (Hodgson, 2006. Р. 217). Скажем, лидер OIE Дж. Ходжсон защищает определение институтов как правил игры, ключевое для NIE (Hodgson, 2018). При этом NIE также остается фрагментированной и децентрализованной областью исследований (Menard, Shirley, 2014. Р. 542). Между исследовательскими программами NIE и OIE есть значительные пересечения, а границы между ними довольно размыты (Hodgson, 2014), в связи с чем выделение их специфичных Стандартных моделей очень проблематично. Но, поскольку неинституционалисты доминируют в институционалистском сообществе, то именно они – в основном – олицетворяют институциональный мейнстрим.

модели в современных условиях все чаще обнаруживают свою несостоятельность и нуждаются в ревизии. Достаточно напомнить о серьезных затруднениях новой институциональной теории в объяснении долгосрочного экономического роста (Капелюшников, 2019), трансформации развивающихся стран (Chang, 2011a), экономики социально-экологических систем (Cleaver, 2012), эволюции современных организаций (Alvesson, Spicer, 2019) или связи дисфункций рынка с трансакционными издержками (Fennell, 2013).

Безусловно, нельзя сказать, что приведенное выше представление институциональной реальности в корне неверно, но оно крайне упрощенно и неадекватно описывает сложные институты современных экономических систем. Как и в физике элементарных частиц (Langacker, 2017), Стандартная модель в институциональной экономике не является окончательной теорией⁷, а ведущих ученых в основном интересуют явления, находящиеся за ее пределами (но и они также испытывают давление ее аксиоматики)⁸.

Ответом на распространение Стандартной модели институциональной экономики стал постинституционализм.

Предыстория постинституционализма

Постинституционализм – пока что фантомное научное течение, находящееся на ранней стадии институционализации и характеризующееся размытой и фрагментарной исследовательской программой, аморфным предметным полем, практически не структурированным сообществом, неявными и маловлиятельными лидерами, периферийным (если не маргинальным) статусом в академической, образовательной и экспертной средах. Скорее даже постинституционализм представляет собой рабочую метафору, характеризующую массив альтернативных траекторий развития институциональной экономики, дистанцирующихся от методологических принципов, конвенций и догм мейнстримного институционализма. Главное, что объединяет всех постинституционалистов – это эксплицитная

⁷ Существует даже комплексное научное направление – физика за пределами Стандартной модели (Physics beyond the Standard Model или, сокращенно, BSM).

⁸ Так, основоположники теории трансакционного сектора Дж. Уоллис и Д. Норт еще на заре новой институциональной экономики указывали на «распространенное, но ошибочное мнение экономистов и историков экономики о том, что трансакционные издержки не производят сопутствующей выгоды» (Wallis, North, 1988. P. 654). После ряда критических выступлений, с 1995 г. эта проблема больше ими не затрагивалась, поскольку минимизация трансакционных издержек стала одной из главных догм Стандартной модели. Другой пример: признание двусторонней причинно-следственной связи институтов и экономического развития – казалось бы, совершенно очевидное, – до сих пор не стало общепринятым и не инкорпорировано в Стандартную модель. Доминирующим остается подход, при котором экономическое развитие является производным от качества институтов, тогда как обратное влияние игнорируется или недооценивается (Chang, 2011b. P. 601-602). Даже попытка Норта (North, 2005) изменить ситуацию в теоретическом плане так и не привела к пересмотру Стандартной модели.

фокусировка на институциональной сложности, предполагающая необходимость разработки новых методологий за пределами Стандартной модели.

Впервые термин «постинституционализм» в экономическом дискурсе встречается в статье М. Сигала (Segal, 1986). В ней описывается, как исследователи в области экономики труда в середине XX в. расходились с общепринятыми среди институционалистов точками зрения на фирму и рынок; совокупность их взглядов автор и назвал постинституционализмом⁹. По стечению обстоятельств именно в 1986 г. вышла новаторская работа Дж. Уоллиса и Д. Норты об измерении транзакционного сектора (Wallis, North, 1986), «перезапустившая» теорию транзакционных издержек, а всего годом ранее был издан бестселлер О. Уильямсона «Экономические институты капитализма» (Williamson, 1985), ставший манифестом новой институциональной экономики и создавший мощный импульс ее невероятно активной экспансии. Новый термин оказался несколько преждевременным.

Присуждение Нобелевских премий Р. Коузу и Д. Норту дало старт мейнстримизации институциональной экономики – ее быстрому и триумфальному распространению в глобальном масштабе, проникновению практически во все академические дисциплины и использованию в самых разных областях прикладных разработок и экономической политики. Параллельно происходило формирование Стандартной модели.

Дифференциация многочисленных направлений институциональных исследований и их дисциплинарное разграничение привели к фрагментации институционалистского научного сообщества и отсутствию единой метатеоретической рамки, субститутом которой фактически стала Стандартная модель. Такая ситуация не уникальна: вообще говоря, «типичный» современный экономист не чувствует потребности в общей консистентной картине мира» (Капелюшников, 2018. С. 115), да и в большинстве общественных наук «становится все сложнее уловить общую форму дисциплины» (Гидденс, Саттон, 2018. С. 9). В результате Стандартная модель не получает особого внимания¹⁰ и, следовательно, не встречает мощной и убедительной критики со стороны все более узких специалистов. Под действием эффекта path dependence уровень устойчивости ее постулатов непрерывно растет.

⁹ Эта статья стала последней работой М. Сигала и увидела свет уже после его ухода из жизни. Существовала ее расширенная версия, на которую ссылался и сам автор, и редакторы; рукопись какое-то время хранилась на факультете экономики Дартмутского колледжа (Ганновер, США), однако была утеряна. Автор благодарит за организационную помощь в ее поиске декана К. Снайдера и замдекана Дж. Фейрера.

¹⁰ На возникновение концептуальных расхождений между ортодоксальным и гетеродоксальным течениями в институционализме обратил внимание лишь М. Зафировски. К институциональной гетеродоксии он относил критический и оригинальный институционализмы, а также институциональное направление в экономической социологии (Zafirovski, 2003). Однако в своих дальнейших работах Зафировски не касался этой темы, посчитав ее малоперспективной.

Главным негативным следствием распространения Стандартной модели стала банализация терминологии и вульгаризация методологии институционального подхода. Содержательная «вместимость» термина «институт» одновременно представляет собой и эпистемологическое удобство, и проблему (поскольку многочисленные трактовки конфликтуют между собой), а его объяснительная сила вызывает все больше сомнений. Более того, этот термин (и вообще терминология институциональной экономики, равно как мантра «институты имеют значение») выступает скорее статусным маркером соотнесения с исследовательским сообществом, нежели сугубо аналитическим инструментом. В рамках Стандартной модели дихотомизация – это основной способ осмысления институциональной сложности, результатом чего являются многочисленные дилеммы теории институтов и институциональных изменений. Конвенции и стереотипы доминирующего институционального дискурса закрепили «эмпирический разворот» исследований и по сути блокировали крупные теоретические инновации. Поэтому формирование «движения сопротивления» Стандартной модели оказалось только вопросом времени. На протяжении 2000-2010-х гг. институционализм уверенно и активно закреплялся в статусе мейнстрима гетеродоксальной экономики, параллельно сближаясь с неоклассикой и соревнуясь с ней в изощренности формальных моделей (Spiegler, Milberg, 2009). На этом фоне поступательно расширялся массив критических исследований, маркером которых стал термин «постинституционализм».

Первыми в XXI веке поставили вопрос о постинституциональной перспективе Л. Мехта с соавторами, используя этот термин как метафорическое собирательное название гетеродоксальных подходов к институциональному анализу экономики природопользования (Mehta, Leach, Scoones, 2001). Особенно критиковались ими недостаточный учет мейнстримными институционалистами роли акторов в институциональных изменениях, традиционалистское понимание институтов как статичных и деконтекстуализированных явлений, а также ориентация на выработку универсальных подходов к регулированию различных социально-экологических систем и природных ресурсов любого типа. Но наиболее активное развитие идеи постинституционализма, связанные с пересмотром теоретических позиций неинституционального мейнстрима, получили в работах представителей школы критического институционализма, основанной Ф. Кливе и в значительной степени пересекающейся с ранними идеями Блумингтонской школы Э. Остром.

Теоретическое «ядро» критического институционализма образует концепция *институционального бриколажа* (bricolage)¹¹, под которым понимается стохастичное рекомбинирование местными сообществами существующих и вновь создаваемых локальных институтов для адаптации к

¹¹ Термин одного из первых постструктуралистов К. Леви-Стросса, ставший универсальной мультинаучной метафорой (Johnson, 2012).

меняющимся жизненным ситуациям (Cleaver, 2001; 2002)¹². Важным моментом является принципиальный отказ школы Кливе от понятия оптимальности институтов и от попыток объективной оценки их эффективности. Не менее значим разрыв с идеей рационального выбора институтов и с функционалистскими объяснениями институциональных изменений (Cleaver, 2012). Принципиальное значение придается размытости границ и смешанности форм институтов, адапционным способностям и импровизациям акторов, интерактивности взаимовлияния институтов и акторов (Cleaver, 2007; Arts et al., 2014). Представители школы критического институционализма часто называют свой подход постинституциональным (Cleaver, Franks, 2005) и всегда противопоставляют его мейнстримной институциональной экономике (De Koning, Cleaver, 2012). Но они развивают теорию постинституционализма в довольно редуцированной версии, ограничивая область ее применения только экологической сферой и не выходя на более общие методологические проблемы анализа экономических институтов¹³.

Для сегодняшних постинституционалистов принципиально важен плюрализм теоретических позиций (Whaley, 2018. P. 138), что затрудняет их сведение в единую систему. Кроме того, постинституционалистское сообщество на стадии его формирования в принципе не стоит ограничивать излишне четко и связывать только с учеными, которые сами позиционируют себя в качестве постинституционалистов. Многие исследователи фактически неявно работают в области постинституционализма, развивая новые концепции за рамками Стандартной модели. Аналогично, первые посткейнсианцы не имели согласованных и даже последовательных методологических взглядов, но все же их подходы в итоге сложились в единую методологию (King, 2002. P. 181). Тем не менее, уже сейчас можно выделить общие *объединяющие принципы постинституционального дискурса*. Это – выраженный курс на изучение институциональной сложности; особое внимание к гибридности и подвижности границ институтов; сдвиг фокуса анализа институциональных изменений на бриколажные процессы и пространственную укорененность; отказ от функционализма и оптимизационного подхода к институтам; акцентировка на социальных группах и учет многомерной идентичности индивидов. Безусловно, набор этих общих методологических принципов будет еще не раз расширяться и уточняться по мере дальнейшего развития постинституционализма.

Повестка дня постинституциональных исследований

¹² Интересный факт: самая первая статья Кливе, специально посвященная институциональному бриколажу (Cleaver, 2001), была опубликована в том же номере журнала «IDS Bulletin», в котором вышла и редакторская статья Мехта и соавторов.

¹³ Не случайно в своих последних работах Кливе вообще избегает термина «постинституционализм» (Cleaver, Whaley, 2018), главным образом по причине его интеллектуальной претенциозности.

Рассмотрим далее наиболее значимые концептуальные возможности за рамками Стандартной модели, очерчивающие контуры перспективной исследовательской программы постинституциональной экономики. Приводимые ниже методологические идеи отчасти являются консенсусной точкой зрения в сообществе постинституционалистов: прежде всего, это касается бриколажа (вокруг которого по сути и образовалась школа Кливе) и интегративной трактовки институтов. Остальные идеи принадлежат автору, хотя и имеют предшественников, многих из которых можно считать имплицитными постинституционалистами. Предлагаемая повестка дня адресована не столько сегодняшним, сколько будущим постинституционалистам, а также широкому институционалистскому сообществу в качестве предмета для обсуждения назревших теоретических альтернатив.

1. От редуccionистских трактовок институтов – к разгерметизации и интегративным подходам. В Стандартной модели парадоксальным образом сосуществуют различные моноаспектные и дихотомические интерпретации институтов, образующие экстремально широкий спектр и зачастую считающиеся взаимоисключающими. Центральной догмой Стандартной модели является признание невозможности точного и при этом комплексного определения понятия «институт», из чего следует необходимость выбора какой-либо его редуccionистской трактовки. Сложность институтов, выражающаяся в многообразии форм их проявления, воспринимается негативно, как барьер. Вследствие этого исследователи обычно сводят содержание институтов к их отдельным формам – правилам, нормам, конвенциям, регулярностям / паттернам поведения, практикам, порядкам, общим убеждениям, социальным структурам и т.д. Как правило, институты отождествляются с одной (институты – правила игры по Норту) или несколькими из этих форм (институты – правила, убеждения и организации по А. Грейфу), причем такие суженные дефиниции позиционируются в качестве жестких альтернатив. Растущее множество противопоставляющихся трактовок институтов¹⁴ часто критикуется; высказывается озабоченность тем, что институт все больше превращается в туманный термин, теряющий содержательную определенность (Alvesson, Spicer, 2019), а масштаб множества явлений, рассматриваемых в качестве институтов, определенно не может считаться нормальным (Witt, 2014). Гораздо хуже, что при этом подавляющее большинство определений имеют крайне редуccionистский характер.

В будущем постинституционалисты должны (в идеале) *отказаться от самой идеи поиска простого, однозначного, унифицированного и*

¹⁴ Например, продолжается явно затянувшаяся и все больше приобретающая схоластический характер полемика, связанная с противопоставлением различных видов правил – регулятивных (Hindriks, Guala, 2015), конститутивных (Searle, 2015), когнитивных (Greif, Mooker, 2017), согласованных (Wallis, 2017) и др., – выдвигаемых на роль центрального звена теории институтов.

универсального определения институтов. Любые более или менее фундаментальные понятия сейчас, в условиях быстрого усложнения социальных и экономических систем, становятся чрезмерно широкими, зонтичными и расплывчатыми – не только институт, но и государство, класс, гендер, медиа, инновации, предпринимательство, индустрия, стратегия, культура, демократия, этничность, гражданское общество, цифровые технологии, кластер, коррупция и многие другие. Даже близкородственный институтам термин «организация» стал «метаморфическим и пористым» (Meyer, Hollerer, 2014. P. 1226). Реальное содержание понятий эволюционирует гораздо быстрее, чем их категориальные формы, и чтобы схватить и удержать расплывающееся содержание сложных современных институтов *необходимы интегративные, плюралистичные, подчас эклектичные трактовки*, объединяющие разные формы их проявления в единую, но гибкую теоретическую рамку¹⁵. Постинституционализму нужно двигаться к *осознанной разгерметизации понятия «институт»*, к расширительным определениям, интегрирующим редуционистские подходы¹⁶. Неизбежное снижение аналитической эффективности этого понятия будет гиперкомпенсировано повышением его объяснительного потенциала, поскольку адекватное понимание интенсивно растущего разнообразия институциональных форм и процессов невозможно на основе узких, противостоящих друг другу точек зрения на институты¹⁷. Речь идет не об отказе от «бритвы Оккама», но об отказе от фетишизации этого принципа. Определения институтов должны стать более открытыми, свободными и пластичными, готовыми к захвату разных аспектов и форм проявления нередуцируемой институциональной сложности.

Разгерметизированные трактовки институтов должны по возможности объединять все основные подходы к их пониманию – *статусно-функциональный* (институты как статусные функции с деонтической логикой, определяющие статусы, роли, идентичности, права, обязательства и т.д.)¹⁸, *нормативный* (институты как правила, нормы, стандарты, конвенции, обычаи, традиции и др.), *равновесный* (институты как равновесия в стратегических играх, то есть поведенческие регулярности, паттерны, практики действий, рутины и т.п.), *когнитивный* (институты как общие

¹⁵ В пользу аналогичного подхода к определению рациональности поведения высказался Р. Нельсон (Nelson, 2016). На целесообразность избегания излишней точности в трактовке институтов указывал и К. Эрроу (Arrow, 1970. P. 224).

¹⁶ Со всей определенностью об этом писал Грейф: «Представление разных определений институтов как взаимоисключающих является контрпродуктивным» (Greif, 2006. P. 40). Хороший пример «всеобъемлющей» дефиниции, соединяющей внешне альтернативные концепции ведущих институционалистов, приведен в работе (Buchanan, Chai, Deakin, 2014).

¹⁷ Ограничения такого подхода очевидны, но их необходимо сознательно принять, как это делает, например, Дж. Серл: «понятие “коллективного принятия” намеренно нечеткое, поскольку я хочу выделить непрерывный континуум» (Серл, 2007. С. 14) различных форм его проявления.

¹⁸ Этот подход восходит к серлианской социальной онтологии (Серл, 2007).

убеждения, стереотипы, эвристики, типизации, нарративы, идеологии и т.д.), *структурный* (институты как модели организационных форм / структур / архитектур) и *технологический*¹⁹ (институты как социальные / трансакционные технологии). Эти подходы отражают главные измерения содержания институтов как многомерного континуума неосязаемых социальных факторов упорядочения человеческой деятельности. Именно поэтому важно отказаться от их противопоставления и перейти к шумпетерианскому по духу взгляду, признав, что *институты – это (всегда) интерактивные комбинации институциональных факторов разного типа*, созидательно действующих только в совокупности. В целом, дефиниции и классификации институтов не должны превращаться в попытки проводить четкие границы там, где их в принципе не существует. Это касается, в частности, устойчивых дихотомий типов институтов – формальных и неформальных²⁰, жестких и мягких, быстро и медленно меняющихся, инклюзивных и экстрактивных и т.д., – которые обычно рассматриваются в качестве замкнутых поляризованных кластеров, тогда как важнее было бы перенести акцент на панораму их переходных и смешанных форм.

Идея разгерметизации термина «институт» парадоксальна в том смысле, что она контринтуитивна. Казалось бы, этот термин и так уже всеобъемлющ: «все, что угодно становится “институтом”»: от рукопожатия до корпорации, от правовой формы до западных концепций личности, от семейной фирмы до процедуры отчетности» (Alvesson, Hallett, Spicer, 2019. P. 124). Но в случае разгерметизации речь идет не о содержательной экспансии термина, а о переходе от противопоставления его многочисленных редуционистских интерпретаций к объединительной парадигме, об отказе от герметичных, изолированных, самозамкнутых – и при этом всегда слишком узких – трактовок. Не расширение границ, а снос многочисленных внутренних перегородок – вот в чем суть разгерметизации институтов. Разгерметизация в этом смысле не означает запрета на использование редуцированных определений в целях специальных исследований. Она лишь означает курс на преодоление теоретических условностей и настойчиво проводимых пуристами линий демаркации. Она означает принципиальную установку на плюрализм альтернативных подходов к пониманию институтов, их равнозначность и акцент на их сближение и объединение.

В Стандартной модели сложилась устойчивая «сумма дихотомий» во взглядах на природу и эволюцию институтов, между которыми конвенционально проходит непреодолимая пропасть. Так, тотально доминирующему нормативному подходу, интерпретирующему институты

¹⁹ Концептуально данный подход сформулирован Нельсоном (Nelson, 2002).

²⁰ Иногда излишне жесткое разделение формальных и неформальных институтов критикуется (Greif, Kingston, 2011; Hodgson, 2018), в том числе первыми постинституционалистами (Cleaver, 2012), но все же эта дихотомия продолжает широко применяться и в учебниках, и в научных работах, напоминая популярную псевдонаучную идею об автономной работе левого и правого полушарий головного мозга человека.

как правила игры²¹, все чаще противопоставляется равновесный подход, в основе которого лежит понимание институтов в качестве самоподдерживающихся равновесий в непрерывно повторяющихся стратегических играх, то есть как устойчивых моделей / паттернов / регулярностей поведения. Крайне редкие попытки объединения этих подходов (Hindriks, Guala, 2015) или хотя бы их сближения (Greif, Kingston, 2011) встречаются критикой и с той, и с другой стороны. Но в основе этой дихотомии лежит искусственное противопоставление причины и следствия, правил и результирующих моделей поведения, о сугубо аналитическом характере разграничения которых предупреждал еще Л. Гурвиц. Другой традиционной для Стандартной модели дихотомией является оппозиция экзогенной и эндогенной трактовки институтов²². Дихотомии могут быть удобны и иногда даже полезны в аналитических целях, но их не следует воспринимать буквально. Дуализм макро- и микроподходов по сути основан на абстракции высочайшего уровня, связанной с полным отрывом систем от их элементов. Противопоставление поведения акторов ограничивающим это поведение институтам сохраняет свою теоретическую ущербность даже если заменить эту дихотомию другой, более нюансированной: например, можно говорить об антитезе микродействий, аккумулирующихся в макроструктуры, и макроструктур, задающих рамки микродействиям²³. Конечно, такой «диалектический» подход эвристически более продуктивен, чем понимание институтов лишь как экзогенных причин поведения. Но в любом случае это категоричные дихотомические суждения, сосредотачивающие внимание на различиях, разграничениях и контрастах. В этом смысле консервативное сохранение дуализма эндо- и экзогенных интерпретаций ошибочно с любой точки зрения, поскольку механистическая причинно-следственная парадигма практически неприменима к изучению институциональной сложности. Постинституционалистам важно отвергнуть такие «стерильные» объяснения, особенно в их экстремальных версиях.

2. *От институтов per se – к институциональным ассамбляжам и бриколажу.* Редукционистские и изоляционистские представления в современных общественных науках стремительно утрачивают свое былое

²¹ Достаточно напомнить, что нормативный подход к институтам проповедовали все институционалисты – нобелевские лауреаты (Р. Коуз, Д. Норт, О. Уильямсон, Э. Остром); его придерживался даже Л. Гурвиц, идеи которого легли в основу равновесной концепции институтов. Современные неоинституционалисты в подавляющем большинстве сфокусированы на анализе институтов как правил и норм (Menard, Shirley, 2014. P. 542; Hindriks, Guala, 2015. P. 461-462), им вторят и многие представители оригинального институционализма (Hodgson, 2018).

²² Эта дихотомия обозначается также как функционализм – структурализм, микро – макро, структура – действие (structure – agency), хотя полного соответствия между ними, безусловно, нет.

²³ Таковы, в частности, трактовки институтов как механизмов социального порядка, не только управляющих поведением акторов извне (макро-подход), но и формирующихся в ходе агрегирования индивидуальных паттернов мышления и поведения (микро-подход) (Hindriks, Guala, 2015; Hashimoto, Nishibe, 2017).

влияние. Наиболее перспективным становится изучение институтов в методологической оптике семейства теорий сложности. Более того, именно *институциональная сложность должна стать исходным пунктом разворачивания исследовательской программы постинституционализма*. Анализ (особенно измерение и моделирование) институтов как обособленных факторов экономического развития – интереснейшая исследовательская задача, однако ее роль не стоило бы переоценивать. Напротив, следует поступательно отказываться от сильных допущений о (бесспорно, относительной) дискретности институтов и рассматривать их в качестве (и в контексте) сложных эволюционирующих систем.

Институциональная сложность на макроуровне чаще всего описывается с помощью понятий институциональных структур и систем, иногда архитектур, матриц и экосистем, причем обычно они используются как синонимы (эта традиция восходит к бестселлеру Норта: North, 1990). И практически всегда внимание ученых сконцентрировано только на системах одного типа – гомогенных, монолитных, унитарных, интегрированных. Такие «традиционные» системы – тотальности по Ж. Делезу и Ф. Гваттари – основаны на сильных связях элементов и их критической значимости для единства системы, когда ее части буквально «сплавлены в единую массу» (Харман, 2017. С. 11). Однако гораздо более перспективным представляется перенос акцента исследований на *ассамбляжи (assemblages) – полилогичные институциональные системы модульного типа*. В отличие от тотальностей, ассамбляжам свойственна органичная гетерогенность, сочетание компонентов разной природы (Deleuze, Guattari, 2005; DeLanda, 2016), которые постоянно находятся в процессе пересборки. Институциональные ассамбляжи полилогичны в том смысле, что их «поведение» управляется не одной, а несколькими конкурирующими между собой *институциональными логиками* – связками фундаментальных принципов, ценностей и убеждений, лежащих в основе одностипных институтов (Greenwood et al., 2011; Thornton, Ocasio, Lounsbury, 2012). Причем эти логики несводимы: они могут образовывать смешанные формы, но никогда не интегрируются полностью, тем самым не позволяя ассамбляжу трансформироваться в относительно гомогенную систему²⁴. Модульность ассамбляжей выражается в том, что их элементы – не дискретные институты, а динамично меняющиеся сети институтов разного типа; они не «привязаны» к четким функциям, а имеют широкий и гибкий функционал в рамках своих институциональных логик.

Именно к ассамбляжам исследователи относят сложные системы институтов, координирующие деятельность государственно-частных и межсекторных партнерств, транснационального бизнеса (Sassen, 2018), коллабораций, кластеров, платформ (Lubell, 2015; Vodin, 2017), социальных

²⁴ Несводимость управляющих логик отличает институциональные ассамбляжи от институциональных гибридов. Институционалистская литература по гибридным организациям исходит из того, что альтернативные логики в конечном счете образуют некую синтезную форму, устраняющую противоречия между ними (Haigh, Hoffman, 2014).

предприятий, гибридных производств, инновационных экосистем и т.д. Но ассамбляжность проникает сейчас в подавляющее большинство частных компаний, некоммерческих организаций и государственных органов, которые все чаще совмещают конфликтующие или как минимум разнонаправленные институциональные логики²⁵. Внутреннее разнообразие институтов, их высокая автономность, функциональная избыточность и взаимозаменяемость, вариативность, пластичность – это преимущества институциональных ассамбляжей, особенно важные в условиях неэргодичной (непрерывно меняющейся) и турбулентной внешней среды. Они сочетаются с негативными моментами – пересечением и дублированием функций, фрагментарностью порядков, запутанностью межинституциональных взаимосвязей, конфликтогенностью, слабой предсказуемостью²⁶. И, тем не менее, ассамбляжи получают все большее распространение²⁷. Их исследования явно нуждаются в интегративной теоретической рамке, объединяющей альтернативные подходы. В целом же *ассамбляжное мышление* означает переход к осмыслению институциональных структур в терминах нечетких границ, высокой гетерогенности и автономности элементов, несводимости управляющих логик и перманентной напряженности. Постинституционалистам следовало бы принципиально отказаться от понимания сложных институциональных систем как тотально интегрированных целостностей, состоящих из органично связанных частей.

На микроуровне описание и объяснение институциональной сложности перспективно на основе концепции бриколажа, которая является сейчас одной из центральных идей постинституционального дискурса. *Институциональный бриколаж*²⁸ представляет собой адаптивный процесс

²⁵ К ним, в частности, относятся логики конкуренции и кооперации, бюрократического администрирования и предпринимательства, производства и маркетинга, процессного и проектного / гибкого управления, ориентации на экономическую эффективность и на социальную ответственность и др.

²⁶ Поэтому по отношению к традиционным сложным системам (тотальностям) ассамбляжи можно считать *сверхсложными институциональными системами*. Сверхсложность здесь определяется сочетанием двух и более несводимых институциональных логик, соотношение которых постоянно меняется и генерирует противоречия.

²⁷ Приведем показательный пример залива Сан-Франциско (Калифорния, США), использование водных ресурсов которого параллельно регулируется более чем ста институтами (включая нормы обычного права) и десятками акторов – от местных и региональных властей до ассоциаций, партнерств и групп влияния (Lubell, Robins, Wang, 2014). Этот пример ассамбляжа отнюдь не уникален, а, скорее, репрезентативен.

²⁸ Идею *крафтинга* Э. Остром следует признать первой постановкой вопроса об институциональном бриколаже. Остром выделяла две ключевых черты крафтинга институтов – кустарность (*artisanship*) этого процесса, то есть его осуществление обычными акторами (непрофессионалами), и его непрерывность, то есть эволюционный характер, постоянное повторение этапов проб, ошибок, их устранения и новых проб (Ostrom, 1992. P. 41). Кливе критикует концепцию крафтинга, считая, что в ней акцент неявно сделан на целенаправленности и рациональности создания институтов, тогда как в

формирования институтов «снизу» непрофессиональными акторами из разнообразных элементов в условиях перманентных ресурсных ограничений. В отличие от институционального предпринимательства, бриколаж осуществляется не лидерами или группами влияния, а неоднородной массой реальных акторов; в отличие от институционального проектирования, бриколаж предполагает изменения институтов непосредственно в процессе их использования, без планов и согласований. Фокусировка на бриколаже означает смещение акцента анализа на инкрементные институциональные инновации, встроенные в повседневные практики акторов, которые осуществляются посредством практически незаметных, но массовых импровизаций, заимствований, модификаций, реинтерпретаций, рефункционализаций и рекомбинаций всех доступных институциональных ресурсов различного происхождения и назначения. К ресурсам бриколажа относят, в частности, нормы закона и обычного права, практики, представления и дискурсы (Cleaver, de Koning, 2015), культурные артефакты и символические ресурсы (Harrison, Corley, 2011), формы организации и модели организационной структуры (Perkmann, Spicer, 2014), существовавшие в прошлом институты (Cleaver, 2001. P. 28; Greif, Kingston, 2011. P. 39). Ограничение сферы действия бриколажа локальным масштабом было исключительно установкой школы Кливе. *Бриколаж в среде Web 2.0*²⁹ выходит за узкие рамки местных сообществ и компактных отношенческих групп, связанных совместной деятельностью и общением. Теперь ожидания, представления, нарративы, практики, нормы и убеждения, связанные с любыми сложными институтами, распространяются не столько в ходе локальных коммуникаций «лицом к лицу», сколько в виде генерируемого самими акторами и распространяемого в Интернете контента. Бриколаж «погружает» институциональные изменения в глобальное коммуникационное поле, распространяясь в мезо-, макро- или мегамасштабе, но в итоге результируя в новых рутинах и практиках «на местах»; это глокальный институциональный процесс.

Бриколаж – органичная черта сложных и сверхсложных (ассамбляжных) институциональных систем, встречающаяся гораздо чаще, чем целенаправленное проектирование и лоббирование институтов профессиональными акторами. Это своего рода *малое институциональное предпринимательство* – креативный процесс шумпетерианских рекомбинаций имеющихся институтов, их частичных изменений и расширения функционала для использования в новых ситуациях. Бриколажу подвергаются любые новые и уже существующие институты, поэтому, в терминах концепции обитаемых институтов, главным вопросом является то, какими способами акторы «заселяют» институциональные системы

реальности это беспорядочный, небрежный, даже «грязный» процесс (Cleaver, 2001. P. 29). С этой критикой в целом можно согласиться, хотя уязвимости концепции крафтинга все же являются следствиями ее пионерного и рамочного характера.

²⁹ Web 2.0 – образное обозначение интернет-активностей и технологий, связанных с самостоятельным созданием информационного контента пользователями Сети.

(Delbridge, Edwards, 2013). Добавим, что акторы не просто «заселяют», но также постоянно «ремонтируют», «достраивают» и «перестраивают» свои институты. Такие бриколажные процессы ничуть не менее важны, чем реформы институтов «сверху» или лоббирование институциональных изменений «снизу» мощными группами интересов, однако в Стандартной модели бриколажу все еще не находится места³⁰.

3. *От дисфункций институтов – к институциональным клуджам и аномалиям.* Процессом, неразрывно связанным с бриколажем, является клуджинг, то есть формирование *институциональных клуджей (kludges) – институтов с низкой или минимально приемлемой функциональностью для преодоления текущих проблем.* Клуджи «компенсируют, но не устраняют фундаментальную неэффективность дизайна» (Ely, 2011. P. 210) институтов и институциональных систем; это паллиативные, «дешевые» решения локальных задач, ориентированные только на краткосрочную перспективу. Институциональные клуджи – институты с нечетким функционалом, возникающие на основе многочисленных итераций, проб и ошибок, доработок и отладок в ходе эксплуатации; это неоднородные, персистентные структуры, накапливающие преимущества и недостатки всех своих промежуточных версий, далекие от логической завершенности и требующие постоянных коррекций. Концепция клуджинга акцентирует сам факт (а не оптимальный способ) осуществления институтами определенных функций в условиях множественных ограничений, сдвигая на задний план вопросы об их эффективности, элегантности, рациональности и уделяя главное внимание отзывчивости к изменениям, гибкости, пластичности, даже флюидности. Поэтому клуджинг не должен ассоциироваться с дисфункциями институтов в их негативном смысле; это, скорее, процесс создания *функциональных дисфункций*³¹, процесс в высокой степени творческий, экспериментальный и адаптивно эффективный, который в современных условиях роста институциональной сложности получает еще более широкое распространение. Более того, можно предположить, что уже в ближайшем будущем большинство институтов будет принимать *клуджеобразные формы (kludge-like; термин – O'Malley, 2009. P. 383);* это потребует использования *бриколажного мышления* при анализе любых институциональных явлений.

Излишним допущением о природе институтов является приписывание им идеализированной функциональности. Стандартная модель опирается на убежденность в существовании «естественного» эффективного состояния рыночной системы и ее отдельных институтов. В результате среди институционалистов часто доминирует дисфункциональное мышление, которое (несмотря на явные неоклассические корни) лежит в основе институционалистских рекомендаций в области экономической политики.

³⁰ Это – результат затянувшегося преобладания нисходящей парадигмы (top-down perspective) в теории институциональных изменений (Sotarauta, 2017).

³¹ Наглядный пример институционального клуджа городского масштаба описан в работе (Chattaraj, Walton, 2017).

Основой такого образа мышления является нозоцентричная парадигма – одностороннее восприятие дисфункций институтов как патологических отклонений от их оптимума (греч. *nosos* – болезнь)³². Упрощенная дихотомия «плохих» и «хороших» институтов³³, как и сугубо негативная трактовка любых институциональных аномалий³⁴ – прямое следствие длительного доминирования нозоцентричной парадигмы в Стандартной модели. *Постинституционализм должен совершить переход от нозоцентричной к нормоцентричной парадигме*³⁵: с точки зрения последней, в подавляющем большинстве дисфункции и, шире, аномалии институтов являются вариациями их нормального состояния или формами проявления «индивидуализированной» траектории развития. Они – не столько сбои или дефекты, сколько особенности или даже преимущества этих институтов. Более того, *институциональные аномалии – это и есть основной продукт институциональной сложности*. Растущее усложнение институтов и институциональных систем объективно и закономерно превращает их в ассамбляжи, для которых нормальны и естественны бриколаж, клуджи и аномалии. И чем выше уровень сложности экономики и общества, тем больше число институциональных аномалий и тем более многообразны их конкретные формы. Именно поэтому дисфункциональные институты сейчас – все более типичное явление в экономике, политике и других сферах (Prakash, Potoski, 2016), а настоящей аномалией оказываются оптимальные институты.

4. *От дихотомии «правил игры» и «игроков» – к институтам как стейкхолдерским сообществам*. Сложные институциональные системы бессмысленно изучать как пустые «черные ящики», лишённые субъектности и четко отграниченные от среды; такой подход антисистемен и чрезмерно абстрактен. Попытки преодоления догматики Стандартной модели в этом направлении существуют, однако их трудно признать успешными³⁶. Более того, необходимые теоретические сдвиги должны быть связаны не только с учетом агентских факторов. Постинституционализму потребуются гораздо более комплексные изменения.

³² И это – типичный «нирванский» подход (Demsetz, 1969), в котором «слишком много отсылок к “естественному” и “нормальному”» (Veblen, 1898. P. 381).

³³ Ее конкретными формами являются, например, противопоставление порядков открытого – ограниченного доступа и инклюзивных – экстрактивных институтов (Норт, Уоллис, Вайнгайт, 2011; Acemoglu, Robinson, 2012).

³⁴ К *институциональным аномалиям* относится широкий спектр явлений, негативно маркируемых в Стандартной модели, включая дефекты, провалы, коллапсы и захваты институтов, институциональные диссонансы, ловушки, вакуум, разрывы и т.д.

³⁵ См. подробнее об этих парадигмах в медицинской науке: Henly, Wyman, Gaugler, 2011; Mezzich et al., 2016.

³⁶ К ним можно отнести, например, мезоаналитическое принятие во внимание групп носителей институтов и акцент на их коэволюции со своими институтами (Elsner, 2007; Dopfer, Potts, 2008) или проникновение «внутри институтов» и изучение агентских факторов их эволюции (Figart, 2017).

Во-первых, фокус институционального анализа целесообразно сместить с индивидуальных агентов на социальные группы и, в частности, на сообщества. Если организации (группы, базирующиеся на разделяемых целях и интересах) в Стандартной модели обычно рассматриваются как «игроки», то сообществам – слабо структурированным группам, объединенным общими ценностями и идентичностью, – традиционно не уделяется особого (точнее, никакого) внимания. Вместе с тем, экономика идентичности и стратификационная экономика уже позиционируют такие социальные группы в качестве ключевых объясняющих переменных (Akerlof, Kranton, 2010; Davis, 2015). Близкой по духу является также идея интеграции социальных движений в институциональный анализ, причем важно, что авторы особо отмечают роль виртуальных движений (Schneiberg, Lounsbury, 2017). В идеале *сообщества как дисперсные акторы институциональных изменений* должны стать неотъемлемым компонентом любых исследований институтов³⁷.

Во-вторых, особое внимание необходимо уделять внешним акторам, что потребует содержательной ревизии традиционной дихотомии «правил игры» и «игроков». Да, многие институционалисты прекрасно осознают, что правила игры – это очень упрощенная метафора институтов, но она продолжает распространяться и оказывает огромное деструктивное воздействие на исследовательское сообщество в целом. В этой связи сама метафора нуждается в пересмотре. Для того, чтобы адекватно понимать логику эволюции «правил игры», нужно перестать изолировать их не только от своих «игроков», но и от «игроков», представляющих другие «игры», то есть сферы с альтернативными институциональными логиками и порядками. *Институты должны рассматриваться как стейкхолдерские сообщества, включающие не только внутренних, но и внешних акторов*³⁸, прямо и косвенно связанных с этими институтами. Ключевым методологическим моментом при этом является учет тесной сетевой взаимосвязанности и

³⁷ При этом важно с вниманием отнестись к критике группизма в некоторых социальных науках, которая связана с перекосом в трактовке групп как однородных систем с едиными интересами и четкими границами (Брубейкер, 2012. С. 22-23).

³⁸ Содержательно стейкхолдеры (заинтересованные стороны) ничем не отличаются от акторов (см., например: Harrison et al., 2019), однако этот термин нагружен полезной коннотацией: в него исходно «вшита» неразрывность внутренних и внешних акторов. Добавление в аналитическую рамку внешних стейкхолдеров могло бы придать новый импульс развитию институциональной теории. Неявно этот процесс уже начался. Так, роль внешних стейкхолдеров в трансплантации институтов хорошо иллюстрирует пример британских колоний в Африке в период деколонизации, когда оставшиеся на административной работе британские колониальные служащие стали ключевым фактором успешной «приживаемости» импортированных институтов, поскольку способствовали распространению соответствующих традиций, практик и убеждений среди местного населения. В. Зейдлер констатирует, что роли и функции акторов в процессе копирования институтов по сути являются «белым пятном» в институционалистской литературе (Seidler, 2018). Этот вывод в полной мере относится и к пониманию роли стейкхолдеров в других институциональных процессах.

динамичности взаимодействий стейкхолдеров (в отличие от их традиционного дискретного и статичного представления; см.: Hillebrand, Driessen, Koll, 2015). Каждому институту соответствует не просто «группа вовлеченных индивидов» (Hodgson, 2006. P. 7), а сообщество – гетерогенная сеть многочисленных, взаимодействующих между собой внутренних и внешних стейкхолдеров с разнообразными и изменяющимися интересами, ресурсами, стратегиями, убеждениями и ожиданиями.

В-третьих, институты и их стейкхолдерские сообщества должны изучаться как компоненты локализованных в пространстве экосистем, *институциональных конфигураций*. Конфигурации – развивающиеся вокруг определенных видов деятельности множества институтов и их (внутренних и внешних) стейкхолдеров, которые не только адаптируются к внешней институциональной среде, но постоянно конструируют и реконструируют ее, формируя относительно подконтрольные им ниши. Конфигурации образуют полидинамичный и полицентричный ландшафт институциональных изменений: усиление или ослабление, конкуренция или сотрудничество разных организаций и сообществ ведут к перманентным институциональным «смещениям» всей конфигурации (см. подробнее: Фролов, 2016)³⁹. Конфигурационный подход рассматривает *институциональные, агентские и средовые факторы в их непрерывном взаимодействии*, смещая акцент на внутреннюю сложность институциональных систем и их интерактивную связь с акторами и средой. Такая аналитическая фокусировка позволяет преодолеть свойственную Стандартной модели микро – макро дихотомию (несводимость холизма и индивидуализма)⁴⁰. В отличие от институциональной среды, традиционно воспринимаемой в статичном и гомогенном ключе, институциональные конфигурации – системы интерактивные и гетерогенные. Они всегда имеют пространственно-специфичный характер и, как теоретический инструмент, обладают мощным эвристическим потенциалом, создавая возможность перехода от

³⁹ Отметим, что множественность центров влияния на изменения институтов – в традиции школы Кливе (Cleaver, Whaley, 2018. P. 6).

⁴⁰ Аналогичный прием используется в междисциплинарной концепции *действия в ситуации* (situated agency), получившей распространение в психологии и других когнитивных науках. В ней на передний план выдвигается анализ когнитивных ситуаций – отношений доменов, включающих как действующих агентов, так и среду их действий (McGann, 2014; Weichold, 2018). В основе методологии IAD-анализа (институционального анализа и развития), разработанной школой Остром, находится понятие *ситуации действия* (action situation), которое аналитически связывает ресурсную систему, систему управления, взаимодействующих акторов и средовой контекст (McGinnis, Ostrom, 2014. P. 4). В критическом институционализме школы Кливе ситуация действия преобразовалась в *социальную ситуацию*, которая также аналитически объединяет системные (иначе говоря, средовые) и агентские факторы: с одной стороны, набор участников, социальных позиций и практик; с другой стороны, их частные цели, способности, знания, ценности, стратегии и т.д. (Whaley, 2018. P. 146-147). Родство этих концепций с постинституциональным подходом связано со стремлением объединить микро- и макроаналитические факторы в общую объяснительную модель.

деконтекстуализированного анализа институтов (Martin, Sunley, 2015) к их пространственному «погружению», изучению процессов, форм и эффектов укорененности институтов на конкретных территориях и рынках. Среди перспективных научных задач в этом направлении выделяется переосмысление концепции институциональной плотности, поскольку именно локальный уровень устойчивости институтов имеет критическое значение для эффективности всей институциональной системы⁴¹.

5. *От транзакционных издержек – к транзакционной ценности.* В тесных рамках Стандартной модели транзакционные издержки по традиции рассматриваются как экономический аналог механического трения (Williamson, 1985. Р. 2), понимаемого в смысле вредного сопротивления, препятствующего развитию экономики, а подчас и полностью его блокирующего (Arrow, 1983. Р. 133-134). Минимизация этих издержек является главной функцией экономических институтов (Williamson, 1985. Р. 17) и центральной проблемой новой институциональной теории (Rosser, Rosser, 2017. Р. 426). При этом наблюдается странная традиция изучения транзакционных издержек «вообще», то есть отождествления их общих (совокупных) и удельных видов⁴², причем в отрыве от трансформационных издержек. Но ведь очевидно, что снижение удельных транзакционных издержек может (парадоксальным для Стандартной модели образом) сопровождаться повышением уровня общих транзакционных издержек за счет роста сложности экономической системы, количества акторов и частоты транзакций. В свою очередь, курс на минимизацию общих транзакционных издержек обычно ведет к снижению адаптивной эффективности и институциональной сложности системы, тем самым создавая скрытые барьеры для ее развития в долгосрочной перспективе. Создание новых шумпетерианских комбинаций неизбежно влечет рост совокупных транзакционных издержек и это – отнюдь не результат дисфункций институтов, как иногда кажется с позиций Стандартной модели⁴³. Напротив, функция институтов состоит в минимизации удельных транзакционных издержек в краткосрочной перспективе и активизации роста сложности

⁴¹ Эта концепция является сегодня ключевым инструментом для анализа институциональных характеристик экономического пространства. Пересмотр исходного подхода (Amin, Thrift, 1994) уже начался в экономической географии: авторы пионерной статьи в этой области доказывают необходимость выхода за рамки статичных интерпретаций плотности и развития ее многомерных трактовок, а также интеграции ее институциональных и организационных параметров в единую аналитическую рамку (Zukauskaitė, Trippel, Plechero, 2017).

⁴² На особой важности анализа удельных транзакционных издержек (per unit transaction costs) настаивали еще Норт и Уоллис (North, Wallis, 1994. Р. 618-620). Их призыв не был поддержан. Только Д. Аллен в своем уже раритетном обзоре (Allen, 2000) упомянул этот вид издержек, но по неясной причине рассматривал их как аналог переменных, меняющихся пропорционально изменениям объема транзакций.

⁴³ Например, рост уровня транзакционных издержек в системе иногда объясняется скачком уровня ее сложности, к которому в краткосрочном периоде не успевают адаптироваться сложившиеся институты (Hartwell, 2017. Р. 176).

системы – в долгосрочной, что неизбежно сопровождается повышением уровня общих транзакционных издержек. *Примитивное «минимизационное» понимание функциональности институтов должно быть изъято из постинституционального дискурса* (и чем раньше это удастся сделать, тем лучше)⁴⁴.

Критикуя Стандартную модель в области теории транзакционных издержек, Э. Заяц и Ц. Олсен констатировали, что в ее основу заложено фундаментальное искажение – избыточный акцент на минимизации издержек при почти полном игнорировании максимизации транзакционной ценности (Zajac, Olsen, 1993. P. 132). По их мнению, на практике очень часто наблюдаются ситуации, когда логика принятия решений с позиций экономии на транзакционных издержках не срабатывает (Op. cit. P. 137)⁴⁵. Более того, сейчас такая логика вообще становится нерелевантной степени сложности экономики, когда цепочки создания стоимости сменяются экосистемами и платформами, фирмы трансформируются в дисперсные сообщества, а критическую роль приобретают сетевые ресурсы. Но если Заяц и Олсен рассматривали свою концепцию только лишь как альтернативную рамку для анализа стратегий межорганизационных взаимодействий, то постинституциональный подход состоит в целенаправленном расширении сферы ее действия и *переносе акцента с минимизации транзакционных издержек на максимизацию транзакционной ценности* – совокупности различных позитивных эффектов для участников экосистемы транзакций. В Стандартной модели все внимание приковано к институтам, обеспечивающим низкокзатратное осуществление транзакций (North, 1992. P. 9), тогда как в постинституциональной концепции критически важная роль отводится *институтам, повышающим качество связей, сделок и отношений акторов*. Конечно, рост качества экономических взаимодействий объективно требует затрат ресурсов, но они должны рассматриваться не как вынужденные расходы (транзакционные издержки), а, прежде всего, как выгодные *транзакционные инвестиции*⁴⁶. Эта новая фокусировка смещает дискуссии с краткосрочных минимизационных задач на вопросы стратегической оптимизации объема и структуры такого рода вложений, направленных на стимулирование роста институциональной сложности

⁴⁴ Впервые идея производительности транзакционной функции, объединяющей разнообразные транзакционные виды деятельности, была сформулирована в работе (Wallis, North, 1986), но затем подверглась радикальному упрощению в целях развития методик измерения и моделирования транзакционных издержек. Следствием этого стало закрепление в Стандартной модели логически противоречивой позиции, когда, с одной стороны, признается позитивная роль транзакционных профессий и отраслей, а, с другой, они же позиционируются в качестве главных генераторов роста транзакционных издержек.

⁴⁵ Поэтому иногда приходится даже разделять повседневные (или добровольные) и оппортунистические (или вынужденные) транзакционные издержки, оговариваясь о минимизации лишь последних (Baldwin, 2008; Попов, 2015).

⁴⁶ Как и в случае теории инвестиций в человеческий капитал, для преодоления стереотипного мышления потребуются критическая масса эмпирических исследований.

экономики. При этом, безусловно, речь не идет о новой крайности и отказе от изучения трансакционных издержек, однако их минимизацию вполне можно было бы рассматривать в контексте создания трансакционной ценности.

б. *От неодарвинизма – к эво-дево-парадигме институциональной эволюции.* После пересмотра фундаментального для Стандартной модели постулата о статичности и инерционности институтов, давно уже ставшего общим местом в работах институционалистов (Olsen, 2009), важнейшим вызовом для постинституционализма является утрата неодарвинистской парадигмой статуса монополии в объяснении эволюционных процессов. Стандартная модель имплицитно базируется на идеях неодарвинизма, используя в качестве главных объясняющих факторов институциональной эволюции триаду наследственность⁴⁷ – изменчивость – отбор. Однако быстрый прогресс эволюционной биологии развития (ее общепринятое сокращение – эво-дево) внес революционные коррективы в превалирующее понимание биологической эволюции. Для постинституциональных экономистов эво-дево-парадигма предоставляет главным образом *новую метафорику* – набор концептуальных метафор, которые могли бы стать проводниками по новым путям эволюционного анализа институтов (см. подробнее: Фролов, 2019b). Оставив неодарвинизм неоинституционалистам, постинституционалисты могли бы приступить к разработке новой картины эволюционирующего мира институтов.

Во-первых, хотя макроэволюция представляет собой агрегированный и эмерджентный результат микроэволюции, но их механизмы принципиально различны, поэтому эво-дево стимулирует отказ от микроредукционистских идей, свойственных неодарвинизму и, в частности, Стандартной модели, особенно теоретико-игровым концепциям институтов (Liagouras, 2017. P. 813-817). Становится необходимым более системный (но не холистический) многоуровневый анализ, учитывающий всю систему межуровневых связей, а не концентрирующийся на роли отдельных уровней (микро-, мезо- или макро-) или их бинарном взаимодействии. Соответственно, восходящие (bottom-up) и нисходящие (top-down) подходы к изучению и проведению институциональных изменений нуждаются в объединительной теории, что в полной мере соответствует парадигме постинституционализма.

Во-вторых, одной из наиболее широких тем в эво-дево является изучение организмов как гибких систем; основным фактором этой гибкости является модульность, проявляющаяся на всех уровнях, от генно-регуляторных и метаболических сетей до клеток, органов и организмов в целом (Schlosser, Wagner, 2004. P. 5-6). Модульность – принцип организации биосистем из многофункциональных автономных элементов – в эво-дево рассматривается как основной принцип эволюционного формирования сложных структур, причем рост сложности и разнообразия предполагает функциональную избыточность и высокую степень свободы образующих эти структуры элементов. Напрашивается явная аналогия с институциональными

⁴⁷ Включая такие конкретные формы, как path dependence, lock-in, репликация и др.

ассамбляжами, которые должны стать приоритетными объектами анализа в постинституционализме.

В-третьих, в парадигме эво-дево инновации выступают главным образом результатом модификации существующих анатомических структур и «освоения» новых функций многофункциональными генами развития. Вновь стал актуальным тезис нобелевского лауреата Ф. Жакоба, согласно которому эволюция подобна не инженерии, а ремесленничеству: у нее нет четкого плана, она ничего не создает с нуля, но имеет дело с тем, что уже есть, комбинируя разные элементы и меняя их функции (Jacob, 1977. P. 1164). Это очень напоминает описание институционального бриколажа⁴⁸, включение которого в аналитическую призму и дало толчок к формированию постинституционализма.

В-четвертых, эво-дево провозглашает отказ от противопоставления организма и среды, объединяя их в единую концептуальную рамку, систему развития (developmental system), представляющую собой организм, «укорененный» в среде, точнее, в широком «контексте развития», который традиционно рассматривался как неподконтрольная, автономная, внешняя среда (Griffiths, Stotz, 2018). Более того, в теории конструирования ниши, одной из главных опор парадигмы эво-дево, организмы не просто пассивно подвергаются давлению отбора со стороны среды, но и сами активно влияют на ближнюю среду, трансформируя ее в соответствии со своими потребностями, ведя (на уровне популяции) отбор факторов среды и передавая сформированную экологическую нишу другим поколениям, тем самым меняя направленность эволюционных изменений (Laland et al., 2015). Курс на глубокую контекстуализацию, то есть «погружение» изучаемых институтов в пространственный контекст, – еще одно важнейшее следствие парадигмы эво-дево для постинституционализма. Эти идеи отражены в концепции институциональных конфигураций, акцентирующей принципиальную неразделимость институтов, акторов и пространства, в котором они взаимодействуют и коэволюционируют.

7. От квазинеоклассической – к (собственно) институциональной экономической политике. В области экономической политики институциональная экономика опасно сближается с неоклассикой. Нормативные рекомендации, предусмотренные Стандартной моделью, можно укрупненно разделить на антидисфункциональные и минимизационные. Первый тип рекомендаций сводится к обоснованию необходимости государственных интервенций, направленных на корректировку провалов (дисфункций) рынка, государства и других институтов с целью их возвращения к исходному «идеальному» состоянию (Harper, 2018; Schmidt, 2018). Рекомендации второго типа задают курс на совершенствование институциональной среды путем выбора институтов по критерию минимизации ими трансакционных издержек. В частности, это

⁴⁸ Более того, в статье «Эволюция и ремесленничество» Жакоб прямо ссылался на работу Леви-Стросса о бриколаже.

предполагает копирование эталонных институтов: обычно это так называемые институты глобального стандарта (Chang, 2011a. P. 478-479), то есть инклюзивные институты свободного рынка и демократии (Acemoglu, Robinson, 2012), относящиеся к порядкам открытого доступа (Норт, Уоллис, Вайнгаст, 2011) и рассматривающиеся в качестве универсальных «рецептов» для любой экономики. По существу же эти институционалистские рекомендации практически неотличимы от неоклассических.

Фактически, результатом многолетней (и уже ставшей ритуальной) критики институционалистами неоклассического мейнстрима за идеализм, редуционизм, статичность, игнорирование транзакционных издержек и т.д. стала содержательно аналогичная нормативная программа, предстающая теперь во всей своей величественной беспомощности. Мейнстримные институционалисты выработали убедительные теоретические основания изучения институциональных явлений и процессов, но не предложили альтернативы неоклассике в плане хотя бы рамочного руководства по их регулированию. В этой связи перед постинституционализмом возникает серьезнейший вызов, связанный с формированием в полном смысле независимой и альтернативной как неоклассике, так и другим гетеродоксальным направлениям, нормативной программы – руководства к действию для всех участников политического процесса в широком смысле.

Какой будет постинституциональная экономическая политика, пока что совсем неочевидно. Очевидно только, что она не будет сводиться к одному универсализированному подходу и должна включать достаточно широкую «палитру» гибко комбинируемых концептуальных альтернатив. Бесспорно, она будет интерактивной и проактивной, направленной на своевременную поддержку самозарождающихся тенденций и добровольных институциональных инициатив. Безусловно, она должна базироваться на стейкхолдерской парадигме, предполагая разные модели регулятивных действий государства в отношении различных категорий акторов, признавая ведущую роль бриколажа и обеспечивая их (акторов) глубокую вовлеченность в стратегические процессы. Скорее всего, ее основой будет разработка дизайна сложной архитектуры транзакций (по аналогии с архитектурой выбора в поведенческой экономике) с акцентом на локальные ментальные модели и когнитивные нормы. По всей видимости она будет нацелена на адаптивную эффективность и перенесет акцент на максимизацию институтами транзакционной ценности. Наконец, можно с уверенностью утверждать, что это будет политика стимулирования конструктивных девиаций, рассматривающая дисфункции (и, в целом, аномалии) институтов как драйверы эволюции, и политика поддержки роста институциональной сложности, признающая ее главным ресурсом, продуктом и ориентиром экономического развития.

Заключение

Постинституционализм не отвергает достижений традиционной и новой институциональной экономики, хотя и подвергает их сомнению. Стандартная модель со всеми ее достоинствами и недостатками – продукт эволюции институциональной мысли, но с течением времени дефекты и уязвимости обнаруживаются чаще и чаще. Становится все более очевидным, что Стандартная модель – это громоздкая, плохо согласованная конструкция, покоящаяся на удобных и привычных теоретических схемах, экстраординарных допущениях и распространенных убеждениях, все хуже объясняющая усложняющуюся институциональную реальность. Преодолеть ее системные недостатки невозможно оставаясь в респектабельных тисках представлений мейнстримного институционализма. В этом смысле постинституционализм – метафора нового этапа развития институциональных исследований, свободного от сложившихся методологических условностей, конвенций, стереотипов и традиций. Постинституционализм – это институционализм, рефлексивно выходящий за пределы своей догматики, аксиоматики и в целом внутринаучной институционализации.

Как минимум, постинституциональная методология дает содержательно более богатые объяснения сложных институциональных фактов, которые могут (опять же как минимум) дополнить, а, возможно, и заменить объяснения мейнстримных институционалистов. Так, концепции бриколажа и конфигураций позволяют лучше понять внутреннюю «механику» институциональной эволюции – неоднородность акторов, изменчивость их ресурсов и стратегий, ключевую роль инкрементных инноваций и приемлемо функциональных институтов. В частности, эти концепции способны объяснить многочисленные примеры клуджей из области регулирования в ведущих странах (Teles, 2013; Kawai, Lang, Li, 2018), а также огромный разброс результатов и многообразие реальных траекторий развития трансплантированных институтов (например, кластеров) по всему миру. Концепция ассамбляжей – дополнительный ключ к пониманию институциональных гибридов, изучение которых испытывает заметные трудности (Johanson, Vakkuri, 2017). Если мейнстримный подход позиционирует такие гибриды как органично смешанные институциональные системы, то ассамбляжное мышление фокусируется на различиях управляющих ими логик, их несводимости и конфликтогенности. Тогда становится очевидным надуманный характер описывающих гибриды «синтетических» терминов типа коопетиции. Наконец, концепция транзакционной ценности дает альтернативную интерпретацию институционализации блокчейна, значительно более реалистичную, чем версия неинституционалистов (Davidson, De Filippi, Potts, 2018). Выживание институтов посредничества в эпоху блокчейна объясняется переориентацией их стейкхолдеров на стратегию максимизации транзакционной ценности, поскольку конкуренцию по минимальному уровню транзакционных издержек, очевидно, выиграют алгоритмы консенсуса, лежащие в основе блокчейн-систем (см. подробнее: Фролов, 2019а). Это лишь некоторые

примеры объяснительных возможностей постинституционализма и его преимуществ перед институциональным мейнстримом.

С постинституциональной точки зрения, нередуцируемая институциональная сложность как стартовая линия анализа должна стать опцией по умолчанию для дизайна исследований любых институтов. Разнообразие, неоднородность, полилогичность, модульность, адаптивность, эклектичность, нечеткость, пластичность, флюидность – таковы главные параметры институциональной эволюции и именно они должны быть в центре внимания постинституциональных экономистов. Гибридность и полифункциональность институтов, гетерогенность и взаимосвязанность внутренних и внешних акторов, множественность и несводимость институциональных логик, сочетание избыточности и фрагментарности сверхсложных институциональных систем, важная роль непрофессионалов в институтогенезе – лишь немногие причины того, почему институциональные ассамбляжи, бриколаж, клуджи, аномалии и конфигурации требуют выдвижения на передний план постинституционального анализа. Конечно, интегрировать их все в единую, универсальную теорию институтов и институциональных изменений – крайне амбициозная задача отдаленного будущего, но ее постановка и обсуждение, возможно, являются безальтернативным вариантом движения за пределы Стандартной модели.

Список литературы

- Acemoglu D., Robinson J. A. (2012). *Why Nations Fail: The Origins of Power, Prosperity, and Poverty*. New York: Crown Publishers.
- Akerlof G. A., Kranton R. E. (2010). Identity and the economics of organizations. *Russian Journal of Management*, Vol. 8, No. 2, pp. 107-130. (In Russian).
- Akerlof G. A., Kranton R. E. (2010). *Identity Economics: How Our Identities Shape Our Work, Wages, and Well-Being*. Princeton: Princeton University Press.
- Allen D. W. (2000). Transaction Costs. In: B. Bouckaert, G. DeGeest (eds.). *Encyclopedia of Law and Economics*. Vol. 1. Cheltenham: Edward Elgar, pp. 893-926.
- Alvesson M., Hallett T., Spicer A. (2019). Uninhibited Institutionalisms. *Journal of Management Inquiry*, Vol. 28, No. 2, pp. 119-127.
- Alvesson M., Spicer A. (2019). Neo-Institutional Theory and Organization Studies: A Mid-Life Crisis? *Organization Studies*, Vol. 40, No. 2, pp. 199-218.
- Amin A., Thrift N. (1994). Living in the Global. In: A. Amin, N. Thrift (eds.). *Globalization, Institutions, and Regional Development in Europe*. Oxford: Oxford University Press, pp. 1-22.
- Arrow K. J. (1970). *Essays in the Theory of Risk-Bearing*. Amsterdam: North-Holland.
- Arrow K. J. (1983). The Organization of Economic Activity: Issues Pertinent to the Choice of Market versus Non-market Allocation. In: *Collected Papers of Kenneth J Arrow*. Vol. 2: General Equilibrium. Cambridge: The Belknap Press of Harvard University Press, pp. 133-155.
- Arts B., Behagel J., Turnhout E., de Koning J., van Bommel S. (2014). A practice based approach to forest governance. *Forest Policy and Economics*, Vol. 49, pp. 4-11.
- Baldwin C. Y. (2008). Where do transactions come from? Modularity, transactions, and the boundaries of firms. *Industrial and Corporate Change*, Vol. 17, No. 1, pp. 155-195.

- Bodin O. (2017). Collaborative environmental governance: Achieving collective action in social-ecological systems. *Science*, Vol. 357, No. 6352, pp. 1-8.
- Brubaker R. (2012). *Ethnicity without Groups*. Moscow: HSE Publishing House. (In Russian).
- Buchanan J., Chai D. H., Deakin S. (2014). Empirical analysis of legal institutions and institutional change: multiple-methods approaches and their application to corporate governance research. *Journal of Institutional Economics*, Vol. 10, No. 1, pp. 1-20.
- Chang H.-J. (2011a). Institutions and economic development: theory, policy and history. *Journal of Institutional Economics*, Vol. 7, No. 4, pp. 473-498.
- Chang H.-J. (2011b). Reply to the comments on 'Institutions and Economic Development: Theory, Policy and History'. *Journal of Institutional Economics*, Vol. 7, No. 4, pp. 595-613.
- Chattaraj S., Walton M. (2017). Functional dysfunction: Mumbai's political economy of rent sharing. *Oxford Review of Economic Policy*, Vol. 33, No. 3, pp. 438-456.
- Cleaver F. (2001). Institutional bricolage, conflict and cooperation in Usangu, Tanzania. *IDS Bulletin*. Vol. 32, No. 4, pp. 26-35.
- Cleaver F. (2002). Reinventing institutions: bricolage and the social embeddedness of natural resource management. *European Journal of Development Research*, Vol. 14, No. 2, pp. 11-30.
- Cleaver F. (2007). Understanding Agency in Collective Action. *Journal of Human Development*, Vol. 8, No. 2, pp. 223-244.
- Cleaver F. (2012). *Development through Bricolage: Rethinking Institutions for Natural Resources Management*. New York: Routledge.
- Cleaver F. D., de Koning J. (2015). Furthering critical institutionalism. *International Journal of the Commons*, Vol. 9, No. 1, pp. 1-18.
- Cleaver F., Franks T. (2005). *How institutions elude design: river basin management and sustainable livelihoods*. BCID Research Paper No. 12. Bradford: Bradford Centre for International Development.
- Cleaver F., Whaley L. (2018). Understanding process, power, and meaning in adaptive governance: a critical institutional reading. *Ecology and Society*, Vol. 23, No. 2, art. 49.
- Davidson S., De Filippi P., Potts J. (2018). Blockchains and the economic institutions of capitalism. *Journal of Institutional Economics*, Vol. 14, No. 4, pp. 639-658.
- Davis J. B. (2015). Stratification economics with identity economics. *Cambridge Journal of Economics*, Vol. 39, No. 5, pp. 1215-1229.
- De Koning J., Cleaver F. (2012). Institutional bricolage in community forestry: an agenda for future research. In: B. Arts, S. van Bommel, M. Ros-Tonen, G. Verschoor (eds.). *Forest-people interfaces*. Wageningen: Wageningen Academic Publishers, pp. 277-290.
- DeLanda M. (2016). *Assemblage Theory*. Edinburgh: Edinburgh University Press.
- Delbridge R., Edwards T. (2013). Inhabiting Institutions: Critical Realist Refinements to Understanding Institutional Complexity and Change. *Organization Studies*, Vol. 34, No. 7, pp. 927-947.
- Deleuze G., Guattari F. (2005). *A Thousand Plateaus: Capitalism and Schizophrenia*. Minneapolis: University of Minnesota Press.
- Demsetz H. (1969). Information and Efficiency: Another Viewpoint. *Journal of Law and Economics*, Vol. 12, No. 1, pp. 1-22.
- Dopfer K., Potts J. (2008). *The General Theory of Economic Evolution*. London: Routledge.
- Eggertsson T. (1990). *Economic Behavior and Institutions*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Elsner W. (2007). Why Meso? On «Aggregation» and «Emergence», and Why and How the Meso Level is Essential in Social Economics. *Forum for Social Economics*, Vol. 36, No. 1, pp. 1-16.

- Ely J. C. (2011). Kludged. *American Economic Journal: Microeconomics*. Vol. 3, No. 3, pp. 210-231.
- Fennell L. A. (2013). The Problem of Resource Access. *Harvard Law Review*, Vol. 126, No. 6, pp. 1471-1531.
- Figart D. M. (2017). Introduction to Institutions, Institutional Change, and the Stories. In: D. M. Figart (ed.). *Stories of Progressive Institutional Change: Challenges to the Neoliberal Economy*. London: Palgrave Macmillan, pp. 1-14.
- Foley D. (1970). Economic Equilibrium with Costly Marketing. *Journal of Economic Theory*, Vol. 2, No. 3, pp. 276-291.
- Frolov D. (2016). Methodological institutionalism 2.0: from institutions to institutional configurations. *Voprosy Ekonomiki*, No. 7, pp. 147-160. (In Russian).
- Frolov D. P. (2019a). Post-institutional Theory of Blockchain. *Russian Journal of Economic Theory*, Vol. 16, No. 2, pp. 262-278. (In Russian).
- Frolov D. P. (2019b). Evo-Devo: paradigm challenge for institutional-evolutionary analysis. *Economics of Contemporary Russia*, No. 2, pp. 35-52. (In Russian).
- Giddens A., Sutton P. W. (2018). *Essential Concepts in Sociology*. Moscow: HSE Publishing House. (In Russian).
- Greenwood R., Raynard M., Kodeih F., Micelotta E. R., Lounsbury M. (2011). Institutional Complexity and Organizational Responses. *The Academy of Management Annals*, Vol. 5, No. 1, pp. 317-371.
- Greif A. (2006). *Institutions and the path to the modern economy: Lessons from medieval trade*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Greif A., Kingston C. (2011). Institutions: Rules or Equilibria? In: N. Schofield, G. Caballero (eds.). *Political Economy of Institutions, Democracy and Voting*. Berlin: Springer-Verlag, pp. 13-43.
- Greif A., Mokyr J. (2017). Cognitive rules, institutions, and economic growth: Douglass North and beyond. *Journal of Institutional Economics*, Vol. 13, No. 1, pp. 25-52.
- Griffiths P., Stotz K. (2018). Developmental Systems Theory as a Process Theory. In: D. J. Nicholson, J. Dupre (eds.). *Everything Flows: Towards a Processual Philosophy of Biology*. Oxford: Oxford University Press, pp. 225-245.
- Hahn F.H. (1971). Equilibrium with Transaction Costs. *Econometrica*, Vol. 39, No. 3, pp. 417-439.
- Haih N., Hoffman A. J. (2014). The New Heretics: Hybrid Organizations and the Challenges They Present to Corporate Sustainability. *Organization & Environment*, Vol. 27, No. 3, pp. 223-241.
- Harman G. (2017). Networks and Assemblages: the Rebirth of Things in Latour and DeLanda. *Logos*, Vol. 27, No. 3, pp. 1-34. (In Russian).
- Harper D. A. (2018). Innovation and institutions from the bottom up: an introduction. *Journal of Institutional Economics*, Vol. 14, No. 6, pp. 975-1001.
- Harrison J. et al. (eds.) (2019). *The Cambridge Handbook of Stakeholder Theory*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Harrison S. H., Corley K. G. (2011). Clean climbing, carabiners, and cultural cultivation: Developing an open-systems perspective of culture. *Organization Science*, Vol. 22, No. 2, pp. 391-412.
- Hartwell C. A. (2017). Understanding «Development»: Insights from Some Aspects of Complexity Theory. *Homo Oeconomicus*, Vol. 34, No. 2-3, pp. 165-190.
- Hashimoto T., Nishibe M. (2017). Theoretical model of institutional ecosystems and its economic implications. *Evolutionary and Institutional Economics Review*, Vol. 14, No. 1, pp. 1-27.
- Henly S. J., Wyman J. F., Gaugler J. E. (2011). Health trajectory research: a call to action for nursing science. *Nursing Research*, Vol. 60, No. 3, pp. 79-82.

- Hillebrand B., Driessen P. H., Koll O. (2015). Stakeholder marketing: theoretical foundations and required capabilities. *Journal of the Academy of Marketing Science*, Vol. 43, No. 4, pp. 411-428.
- Hindriks F., Guala F. (2015). Institutions, Rules, and Equilibria: A Unified Theory. *Journal of Institutional Economics*, Vol. 11, No. 3, pp. 459-480.
- Hodgson G. M. (2006). Characterizing Institutional and Heterodox Economics – A Reply to Tony Lawson. *Evolutionary and Institutional Economics Review*, Vol. 2, No. 2, pp. 213-223.
- Hodgson G. M. (2006). What Are Institutions? *Journal of Economic Issues*, Vol. 40, No. 1, pp. 1-25.
- Hodgson G. M. (2014). On fuzzy frontiers and fragmented foundations: some reflections on the original and new institutional economics. *Journal of Institutional Economics*, Vol. 10, No. 4, pp. 591-611.
- Hodgson G. M. (2018). Taxonomic definitions in social science, with firms, markets and institutions as case studies. *Journal of Institutional Economics* (forthcoming).
- Jacob F. (1977). Evolution and Tinkering. *Science*, Vol. 196, No. 4295, pp. 1161-1166.
- Johanson J.-E., Vakkuri J. (2017). *Governing hybrid organisations: Exploring diversity of institutional life*. London: Routledge.
- Johnson C. (2012). Bricoleur and Bricolage: From Metaphor to Universal Concept. *Paragraph*, Vol. 35, No. 3, pp. 355-372.
- Kapeliushnikov R. I. (2018). On current state of economics: Subjective semi-sociological observations. *Voprosy Ekonomiki*, No. 5, pp. 110-128. (In Russian).
- Kapeliushnikov R. I. (2019). Contra Pan-institutionalism. Part I. *Voprosy Ekonomiki*, No. 7, pp. 119-146. (In Russian).
- Kawai K., Lang R., Li H. (2018). Political Kludges. *American Economic Journal: Microeconomics*, Vol. 10, No. 4, pp. 131-158.
- King J. E. (2002). *A History of Post Keynesian Economics Since 1936*. Cheltenham: Edward Elgar.
- Laland K. N., Uller T., Feldman M. W., Sterelny K., Müller G. B., Moczek A., Jablonka E., Odling-Smee J. (2015). The extended evolutionary synthesis: its structure, assumptions and predictions. *Proceedings of the Royal Society B*, Vol. 282, No. 1813, pp. P. 1-14.
- Langacker P. (2017). *The Standard Model and Beyond*. 2nd ed. New York: CRC Press.
- Liagouras G. (2017). The challenge of Evo-Devo: implications for evolutionary economists. *Journal of Evolutionary Economics*, Vol. 27, No. 4, pp. 795-823.
- Lubell M. (2015). Collaborative partnerships in complex institutional systems. *Current Opinion in Environmental Sustainability*, Vol. 12, pp. 41-47.
- Lubell M., Robins G., Wang P. (2014). Network structure and institutional complexity in an ecology of water management games. *Ecology and Society*, Vol. 19, No. 4, pp. 1-14.
- Madra Y. M. (2017). *Late Neoclassical Economics: The restoration of theoretical humanism in contemporary economic theory*. London: Routledge.
- Martin R., Sunley P. (2015). Towards a Developmental Turn in Evolutionary Economic Geography? *Regional Studies*, Vol. 49, No. 5, pp. 712-732.
- McCloskey D. N. (2016). Max U versus Humanomics: a critique of neo-institutionalism. *Journal of Institutional Economics*. Vol. 12, No. 1, pp. 1-27.
- McGann M. (2014). Situated Agency: The Normative Medium of Human Action. *Synthesis Philosophica*, Vol. 58, No. 2, pp. 217-233.
- McGinnis M. D., Ostrom E. (2014). Social-ecological system framework: initial changes and continuing challenges. *Ecology and Society*, Vol. 19, No. 2, Art. 30, pp. 1-12.
- Mehta L., Leach M., Scoones I. (2001). Editorial: Environmental Governance in an Uncertain World. *IDS Bulletin*, Vol. 32, No. 4, pp. 1-9.
- Menard C., Shirley M. M. (2014). The future of new institutional economics: from early intuitions to a new paradigm? *Journal of Institutional Economics*, Vol. 10, No. 4, pp. 541-565.

- Meyer R. E., Hullerer M. A. (2014). Does Institutional Theory Need Redirecting? *Journal of Management Studies*, Vol. 51, No. 7, pp. 1221-1233.
- Mezzich J. E., Salloum I. M., Cloninger C. R., Botbol M. (2016). Person-Centered Integrative Diagnosis and Its Context. In: J. E. Mezzich, M. Botbol, G. N. Christodoulou, C. R. Cloninger, I. M. Salloum (eds.). *Person Centered Psychiatry*. Cham: Springer, pp. 139-156.
- Nelson R. R. (2002). Bringing institutions into evolutionary growth theory. *Journal of Evolutionary Economics*, Vol. 12, No. 1-2, pp. 17-28.
- Nelson R. R. (2016). Behavior and cognition of economic actors in evolutionary economics. *Journal of Evolutionary Economics*, Vol. 26, No. 4, pp. 737-751.
- North D. C. (1990). *Institutions, Institutional Change and Economic Performance*. Cambridge: Cambridge University Press.
- North D. C. (1992). *Transaction Costs, Institutions, and Economic Performance*. San Francisco: International Center for Economic Growth.
- North D. C. (2005). *Understanding the Process of Economic Change*. Princeton: Princeton University Press.
- North D. C., Wallis J. J. (1994). Integrating Institutional Change and Technical Change in Economic History: A Transaction Cost Approach. *Journal of Institutional and Theoretical Economics*, Vol. 150, No. 4, pp. 609-624.
- North D., Wallis J., Weingast B. (2011). *Violence and Social Orders. A Conceptual Framework for Interpreting Recorded Human History*. Moscow: Gaidar Institute Press. (In Russian).
- O'Malley M. A. (2009). Making Knowledge in Synthetic Biology: Design Meets Kludge. *Biological Theory*, Vol. 4, No. 4, pp. 378-389.
- Olsen J. P. (2009). Change and continuity: an institutional approach to institutions of democratic government. *European Political Science Review*, Vol. 1, No. 1, pp. 3-32.
- Ostrom E. (1992). *Crafting institutions for self-governing irrigation systems*. California: Institute for Contemporary Studies.
- Perkmann M., Spicer A. (2014). How Emerging Organizations Take Form: The Role of Imprinting and Values in Organizational Bricolage. *Organization Science*, Vol. 25, No. 6, pp. 1785-1806.
- Popov E. V. *Institutions*. Ekaterinburg: Institute of Economics, Ural Branch of RAS. (In Russian).
- Prakash A., Potoski M. (2016). Dysfunctional institutions? Toward a New Agenda in Governance Studies. *Regulation & Governance*, Vol. 10, No. 2, pp. 115-125.
- Rosser Jr. J. B., Rosser M. V. (2017). Complexity and institutional evolution. *Evolutionary and Institutional Economic Review*, Vol. 14, No. 2, pp. 415-430.
- Sassen S. (2018). Embedded borderings: making new geographies of centrality. *Territory, Politics, Governance*, Vol. 6, No. 1, pp. 5-15.
- Schlosser G., Wagner G. P. (2004). *Modularity in Development and Evolution*. Chicago: University of Chicago Press.
- Schmidt P. (2018). Market failure vs. system failure as a rationale for economic policy? A critique from an evolutionary perspective. *Journal of Evolutionary Economics*, Vol. 28, No. 4, pp. 785-803.
- Schneiberg M., Lounsbury M. (2017). Social Movements and the Dynamics of Institutions and Organizations. In: R. Greenwood, C. Oliver, T. B. Lawrence, R. E. Meyer (eds.). *The SAGE Handbook of Organizational Institutionalism*. London: SAGE Publications, pp. 281-310.
- Searle J. R. (2007). What is an institution? *Voprosy Ekonomiki*, No. 8, pp. 5-27. (In Russian).
- Searle J. R. (2015). Status functions and institutional facts: reply to Hindriks and Guala. *Journal of Institutional Economics*, Vol. 11, No. 3, pp. 507-514.

- Segal M. (1986). Post-Institutionalism in Labor Economics: The Forties and Fifties Revisited. *ILR Review*, Vol. 39, No. 3, pp. 388-403.
- Seidler V. (2018). Copying informal institutions: the role of British colonial officers during the decolonization of British Africa. *Journal of Institutional Economics*, Vol. 14, No. 2, pp. 289-312.
- Sotarauta M. (2017). An actor-centric bottom-up view of institutions: Combinatorial knowledge dynamics through the eyes of institutional entrepreneurs and institutional navigators. *Environment and Planning C: Government and Policy*, Vol. 35, No. 4, pp. 584-599.
- Spiegler P., Milberg W. (2009). The taming of institutions in economics: The rise and methodology of the “new new institutionalism”. *Journal of Institutional Economics*, Vol. 5, No. 3, pp. 289-313.
- Teles S. M. (2013). Kludgeocracy in America. *National Affairs*, No. 17, pp. 97-114.
- Thornton P. H., Ocasio W., Lounsbury M. (2012). *The Institutional Logics Perspective: A New Approach to Culture, Structure, and Process*. Oxford: Oxford University Press.
- Vargo S. L., Lusch R. F. (2016). Institutions and axioms: an extension and update of service-dominant logic. *Journal of the Academy of Marketing Science*, Vol. 44, No. 1, pp. 5-23.
- Veblen T. (1898). Why is Economics not an Evolutionary Science? *The Quarterly Journal of Economics*, Vol. 12, No. 4, pp. 373-397.
- Wallis J. J. (2017). *What Institutions Are: The difference between Social Facts, Norms, and Institutions and their associated rules and enforcement*. Maryland: University of Maryland.
- Wallis J. J., North D. (1986). Measuring the Transaction Sector in the American Economy, 1870-1970. Long-Term Factors in American Economic Growth. In: S.L. Engerman, R.E. Gallman (eds.). Chicago: University of Chicago Press, pp. 95-162.
- Wallis J. J., North D. C. (1988). Should Transaction Costs be Subtracted from Gross National Product? *The Journal of Economic History*, Vol. 48, No. 3, pp. 651-654.
- Weichold M. (2018). Situated agency: towards an affordance-based, sensorimotor theory of action. *Phenomenology and Cognitive Sciences*, Vol. 17, No. 4, pp. 761-785.
- Whaley L. (2018). The Critical Institutional Analysis and Development (CIAD) Framework. *International Journal of the Commons*, Vol. 12, No. 2, pp. 137-161.
- Williamson O. (1979). Transaction cost economics: the governance of contractual relations. *Journal of Law and Economics*, Vol. 22, No. 2, pp. 233-261.
- Williamson O. E. (1985). *The Economic Institutions of Capitalism: Firms, Markets and Relational Contracting*. New York: The Free Press.
- Witt U. (2014). The future of evolutionary economics: why the modalities of explanation matter. *Journal of Institutional Economics*, Vol. 10, No. 4, pp. 645-664.
- Zafirovski M. (2003). Orthodoxy and heterodoxy in analyzing institutions: Original and new institutional economics reexamined. *International Journal of Social Economics*, Vol. 30, No. 7, pp. 798-826.
- Zajac E. J., Olsen C. P. (1993). From Transaction Costs to Transactional Value Analysis: Implications for the Study of Interorganizational Strategies. *Journal of Management Studies*, Vol. 30, No. 1, pp. 131-145.
- Zukauskaite E., Tripl M., Plechero M. (2017). Institutional Thickness Revisited. *Economic Geography*, Vol. 93, No. 4, pp. 325-345.